

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ РОМАНЫ
В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ
ДЭНА БРАУНА

МИХАИЛ ВЕРШОВСКИЙ

МОЛЧАНИЕ АПОСТОЛА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В37

Разработка серии *Ф. Барбышева, А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *В. Петелина*

Вершовский, Михаил Георгиевич.

В37 Молчание апостола / Михаил Вершовский. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 448 с. — (Интеллектуальный
детективный роман Д. Дезомбре).

ISBN 978-5-699-97285-2

Скандално известный профессор символогии Джон Лонгдейл с трибуны научной конференции во всеуслышание объявил, что намерен поведать всему миру о невероятном открытии, которое способно обрушить устои современного христианства. Однако озвучить сенсацию профессор не успел: в тот же вечер он был жестоко убит. А в тысячах километров от Лондона, на острове Патмос, совершено жуткое массовое убийство паломников: с тел несчастных были срезаны огромные доскуты кожи. Скотланд-ярд связывает оба преступления с сэром Артуром Мак-Грегором, которому профессор назначил встречу незадолго до своей гибели, а также с ассистентом профессора француженкой Эли. Чтобы спасти свою жизнь и свободу, молодым людям приходится разгадывать запредельно сложные ребусы, а тайна убитого профессора, к которой они вплотную приблизились, оказалась настолько шокирующей, что могла обрушить не только христианство, но и весь мир...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97285-2

© Вершовский М., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

В романе упомянуты реальные и весьма известные лица. Действия, которые они совершают в книге, являются исключительно фантазией автора. Сказанное не относится к другим историческим персонажам: Гиммлеру, Герингу, Рашеру, которые — как и их деяния — описаны с документальной точностью.

Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: «Я Христос», и многих прельстят... и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и по причине умножения беззакония во многих охладает любовь...

Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, — читающий да разумеет...

*От Матфея Святое Благовествование,
XXIX, 3—35*

...любое убеждение, стоит ему претвориться в действие, становится безумием, которое боги насылают на тех, кого хотят погубить.

Джозеф Конрад, «Нострамо»

Каждый, пытающийся стать ангелом, превращается в зверя.

Блез Паскаль

ГЛАВА 1

26 декабря 2014 г., Ассошиэйтед Пресс:

«Праздник Рождества в этом году завершился драматически. В ночь с 25 на 26 декабря в восточной части Средиземного моря произошла серия подземных толчков, магнитуда которых достигала отметок 5,0—5,5. Эпицентр находился на глубине порядка 6 км ниже дна моря. Землетрясение произвело ряд разрушений в прибрежных городах и населенных пунктах Израиля, Ливана, Сирии, турецкой Алании. Разрушения отмечены также на ряде островов Эгейского моря. Сообщений о человеческих жертвах не поступало».

Подобного он не видел даже в фильмах ужасов и сейчас чувствовал, как его колотит мелкая дрожь. Трупы, лежавшие лицом вниз на уже подтаявшем снегу, привели бы в состояние ступора кого угодно. Они все как один впились пальцами в землю под снегом. Все лежали, вжавшись лицом в снег. А спины...

Никос старался не смотреть на их спины. Содранная кожа — надрез был сделан от плеча до плеча, затем шел по бокам, завершая прямоугольник на уровне поясницы, — открывала кроваво-красные мышцы спины. Плоть.

Но на ум Никосу приходило совсем другое слово: «мясо». Именно оно и есть, мясо освежеванного зверя. Полицейский посмотрел на пистолет, сжатый в дрожащей руке, в котором не было ни малейшей необходимости, и сунул его в кобуру на пояс.

В нескольких шагах от него стоял седобородый настоятель храма отец Иоанн, низко опустив голову и держа наперсный крест обеими руками или, скорее, держась за него как за спасительную ветвь дерева, не дающую утонуть. Губы его беззвучно шевелились, он молился.

Среди тел Попадопулос заметил икону «Святой Иоанн Богослов в молчании», многожды виденную им, но сейчас разбитую, расколотую в щепы. В монастырь Иоанна Богослова, основанный еще в XI веке преподобным Христодулом, каждый год приезжали тысячи верующих. Ни один из этих паломников никогда не миновал храм Пещеры Апокалипсиса, стоявший неподалеку от монастыря. Все они стремились поклониться редкой и, по рассказам, чудотворной иконе.

— Что же это, геронда?¹ — помертвевшими губами выговорил Никос.

— Враг человек сотворил сие, — ответил отец Иоанн словами Евангелия.

— А прежде, геронда, ты видел их?

— Они явились группой, двенадцать человек, парни и две девушки...

Услышав слово «двенадцать», Попадопулос осознал, что он, пораженный страшным зрелищем, даже не пересчитал тела, лежащие на снегу.

— Да вот они, все тут. Пришли вчера, до того еще, как содрогнулась земля. Днем явились. Были и в храме. Но... не паломники. Хотя и молились. И на иконы перекрестились, и, губами шевеля, молитвы вечерние творили. До самого конца службы стояли. После один из них, постарше, спросил, можно ль на ночлег остаться. Ну да где же? При храме лишь одна моя келейка есть с деревянным топчаном. Гостевых помещений и не было никогда, сам знаешь. Я сказал им:

¹ Геронда — обращение к старцу, особенно монаху или священнослужителю (здесь и далее — примечания автора).

«Поднимитесь в Хору, там гостиничка есть, либо к морю спуститесь, в Скалу. Может, там ночлег для вас найдется».

— А они что на это?

— Уже темнело, когда тот, что постарше был, попросил разрешения палатки поставить неподалеку, на склоне. «Однако, — говорю, — снег с ветром штормовым обещали, так что...» — «Нам не впервой», — сказал он.

Полицейский, пересилив себя, подошел к одному из трупов. Перекрестившись, приподнял мертвецу голову, осмотрел шею. Потом прошелся внимательным взглядом по мясу, от плеч до поясницы. Выпрямившись, хмуро посмотрел на священника.

— Геронда...

— Да, Никос.

— А ведь иных ран, кроме содранной кожи, на них нет.

— Я, Никос, и по рукам, в землю впившимся, понял. Не сопротивлялись они. И живыми были, когда их...

Попадопулос закрыл рот ладонью и сглотнул, сдерживая рвоту, подкатывающую к горлу.

— Живьем освежевали. Да ведь и кролик биться, дергаться до последнего стал бы. Ты что-нибудь подобное видел, геронда?

Отец Иоанн тяжело вздохнул.

— Сын мой, того, что я в своей жизни долгой и грешной лице-зрел, тебе и слышать не надобно, и не дай бог даже во сне увидеть.

Полутора часами ранее

Когда толчки прекратились, уже рассветало. Утихла и невиданная на Патмосе снежная буря.

Никос встал с кровати, набросил теплый халат, пошел по комнатам, включая свет, чтобы посмотреть, каких бед наделало землетрясение в доме. На кухне он бросил взгляд на кучу битой посуды, вылетевшей из буфета, потом посмотрел на стену и ахнул. По диагонали всей

кухонной стены змеилась трещина от пола до потолка. Это в его-то доме, возведенном из камня еще прадедом, сложенном на совесть. Блок к блоку подогнан был так, что и ножа между ними не вставить.

Эхе-хе... Вот тебе и выходной, Никос Попадопулос. Работы на сегодня — если только на сегодня — будет невпроворот. Еще ведь и снаружи дом осмотреть надо.

Он принялся было натягивать резиновые сапоги, но тут на кухне зазвонил телефон.

Никос в одном сапоге проковылял на кухню, снял трубку и сказал:

— Астиномос¹ Попадопулос слушает.

Голос в трубке удивленно крикнул.

— Астиномос? Я-то думал, что на Патмосе один астиномос, и это я.

— Виноват, начальник. Антипастиномос² Попадопулос у телефона!

— Да ладно, Никос, шучу я. Знаю, что тебя на твоём холме все астиномосом величают. — Последовала пауза. — А теперь срочно шагай к храму Пещеры Апокалипсиса. Рация, диктофон, фотоаппарат. Пистолет — но это на всякий случай.

— А что стряслось, начальник?

— Вот это ты мне и расскажешь. Но, похоже, стряслось.

— Хоть что-то известно?

— Звонок был в участок. Кто звонил, откуда звонили — неясно. Дария передала, что звонившая женщина словно в бреду повторяла: «Апостолы, мироносицы, мертвы, все мертвы, ищите черных, здесь, в Лондоне, в Риме, повсюду, это они, они...» Так что давай, посмотри, что там.

— Уже иду.

¹ Астиномос — начальник отделения в греческой полиции.

² Антипастиномос — младший полицейский чин, могущий исполнять обязанности от постового до участкового небольшого поселения.

Он надел форму, сунул в кобуру пистолет.

Стефания всполошилась:

— А это зачем? Никогда ты его с собой не брал.

Никос, разозленный испорченным выходным, покраснел от натуги — пояс удалось застегнуть с третьей попытки — и огрызнулся:

— Тебе отчет в письменной форме нужен или на слово поверишь, что начальство велело?

Распахнув дверь, Попадопулос шагнул за порог и замер. Вся поверхность холма была покрыта мокрым снегом. Ноги сразу заскользили по мокрой тающей жиже. Никос в сердцах сплюнул и стал осторожно спускаться по тропе, тысячи раз хоженной, сейчас скрытой под снегом.

Пройдя чуть менее километра, он уже в деталях мог видеть храм Пещеры Апокалипсиса и одинокую фигуру настоятеля, отца Иоанна. Впрочем... не совсем, точнее, совсем не одинокую.

На мокром снегу, чуть выше храма, стояло несколько альпинистских палаток, вокруг которых лежали люди. Не отрывая от них взгляда и уже не боясь поскользнуться, Никос побежал. Но и на бегу он видел, что люди раздеты до пояса, а их голые спины словно покрыты красными полотенцами.

Когда до лежащих людей оставалось метров двадцать, Никос вспотел. И вовсе не от бега. А от того, что увидел и понял: то, что ему показалось красными полотенцами, было обнаженными человеческими мышцами, с которых была содрана кожа.

— Как убивали их, геронда? Может, ты что видел или слышал хотя бы?

— Что можно было увидеть-услышать? Из окошка кельи ночью на расстоянии руки уже ничего не рассмотреть. А дело ведь ночью и было.

Никос посмотрел на куполообразные альпинистские палатки. Изрезанные, с рассеченными бортами и пологами, следы от тел, ко-

торые тащили по снегу. Или жертвы ползли сами? Однако... палатки, спальники.

Трое или четверо так и лежали с ногами в спальных мешках. Запаслись снаряжением. Значит, предполагали, что, может, придется вот так заночевать. Но какая же нужда по зиме сюда являться? Никогда Попадопулос здесь паломников зимой не выдывал.

Да еще разбитая, расколотая икона — почему? И что это значило бы?

— А... это? — он указал рукой на обломки иконы.

— Ты же знаешь, Никос, храм я всегда закрываю, келью — нет. Я еще подумал, может, воры окно выставили? Да нет, все окна на месте. Значит, они замок отомкнуть умудрились, а я и не услышал. Ты ночью, кроме грохота землетрясения, воя ветра, раскатов грома, что-нибудь слышать мог?

Никос сдвинул фуражку на затылок и тыльной стороной ладони вытер пот со лба.

— Так что думаешь, отец Иоанн? Кто они были?

— Кто «они»? Эти?... — Настоятель повел рукой в сторону лежащих тел. — Или те, кто их жизни лишил?

— Убийцы.

— Во всяком случае, не воры, не грабители. Хотя выкрасть икону исхитрились.

— Это верно. Выкрали, но не забрали. Раскололи, уничтожили и бросили.

— Потому и не воры. Тут, Никос, посерьезнее. Смердит все это, сын мой, врагом рода человеческого, вот что я тебе скажу.

— Сатанисты?

— Сие Господь ведает.

— И, похоже, кое-кто еще, — внезапно произнес полицейский, указывая рукой на цепочку маленьких то ли детских, то ли женских следов, ведущих от места бойни вниз, в сторону моря.

Под утренним солнцем снег таял быстро, и так же быстро таяли

таинственные следы. Никос бросился фотографировать их, понимая, однако, что слишком уж много информации они из этих снимков не добудут.

Потом он достал из футляра рацию и вызвал начальника.

Рация зашипела, и через пару секунд в металлической мембране раздался голос антиномоса Ставроса:

— Ну и что там, Никос?

— Плохо, начальник. — Он помолчал. — Нет. Не плохо. Страшно. Тут надо бы с Афинами связываться.

— Не тяни. Насчет Афин я уже сам решать буду.

— Убийство, начальник. Массовое убийство. И садистское к тому же.

— Массовое? Сколько человек убито? Отец Иоанн жив?

— Жив. А трупов двенадцать. И у всех...

— Погоди. Сейчас вызову бригаду криминалистов из Афин и сразу же к вам. Будь на месте. Понял?

— Так точно, понял. Отбой.

ГЛАВА 2

Конференц-зал отеля «Тистл», расположенного на северо-западной окраине гигантского лондонского аэропорта Хитроу, был почти полон. Новые слушатели все подходили и подходили. Еще бы: на эти два дня были заявлены выступления профессора символогии Джона Лонгдейла, известнейшего воинствующего атеиста, одной из ключевых фигур «Фонда за разум и науку», персоны не менее знаменитой, чем сам Ричард Доукинз, основатель этой организации. Он всегда был на переднем крае битвы науки с клерикализмом, религией и суеверием. Именно так Доукинз с коллегами представляли себе и другим свою деятельность.

Репортеры, падкие на хлесткие эпитеты, окрестили Лонгдейла разрушителем святынь. Впрочем, так оно и было. Он не раз разобла-

чал как подделки многие религиозные тексты и чудесные события, якобы происшедшие от первых веков христианства до Возрождения, века Просвещения и вплоть до наших дней.

Тем более необычной и чрезвычайно интересной представлялась тема двухдневного доклада Лонгдейла. Он посвящался Иммануилу Великовскому, одному из отцов «новой хронологии», который искал доказательства космических катаклизмов в священных книгах разных религий, но в первую очередь — в Библии.

Зал, уже заполненный слушателями, нетерпеливо гудел. Техник настраивал проектор, подключенный к ноутбуку на столе докладчика. Сам Лонгдейл стоял за краешком открытого занавеса и изредка бросал взгляд на аудиторию.

Профессор был классическим, почти киношным образцом представителя академических крутов из безалаберных и свободолюбивых шестидесятых годов: джинсы, твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях, длинные, до плеч, волосы и нечто среднее между бородой и небритостью.

Техник наконец-то справился с проектором, и на экране появилось худощавое лицо с типично еврейскими чертами, да еще и в толстых очках: Иммануил Великовский.

На сцену вышел ведущий, который поздоровался с присутствующими и возвестил:

— Дамы и господа! Дistinguished докладчик сегодняшнего и завтрашнего вечеров, профессор Джон Лонгдейл! — после этих слов ведущий заплодировал, приглашая зал присоединиться к нему.

Зал не замедлил откликнуться. Кто-то хлопал в ладоши сидя, кто-то уже встал, кто-то колотил ладонями по подлокотникам кресел. Это было неудивительно: подавляющее большинство присутствующих принадлежало к постоянным участникам антихристианских тусовок и демонстраций, представителям сексуальных меньшинств, убежденным в том, что костры инквизиции еще не погасли до конца, женоподобным юношам и старцам, конечно, мускулистым леди

с армейскими прическами. На многих были майки с надписью «In Science We Trust!»¹. Таковы были страстные поклонники Доукинза, Лонгдейла, борцы с «опиумом для народа», не гнушавшиеся, однако, понюшки кокаина, а то и пары затяжек крэка.

Лонгдейл улыбался. Все это было настолько привычно, что он сразу почувствовал себя в родной стихии и понял: сегодня все пройдет на ура.

В огнях юпитеров он шагнул на сцену и поднял руки над головой в успокаивающем жесте. Мол, спасибо! Достаточно! Благодарю вас! Спасибо!

Сейчас почти весь зал приветствовал его стоя. Почти, но не весь. Кто-то был занят тем, что рылся в своих сумках и студенческих наплечных рюкзачках, лежавших на коленях. На некоторых лицах виднелась гримаса если не брезгливости, то, во всяком случае, отторжения.

Лонгдейл автоматически выловил эти лица, зная, что задача его — сразить и победить именно их, закоренелых скептиков. Священников, однако, среди них не было. Жаль. Он особенно любил размазывать по стенке именно их.

— Благодарю вас, леди и джентльмены! — уже вслух, подойдя к микрофону, бархатным баритоном проговорил Лонгдейл и демонстративно посмотрел на часы. — Думаю, нам пора начинать. Спасибо всем еще раз, и прошу садиться.

Слушатели, все еще гудя и переговариваясь, устроились на своих местах.

— Итак!.. — Он вскинул руку к экрану. — Иммануил Великовский. Почему я говорю о Великовском, спросите вы? Ведь союзником для нас, убежденных атеистов, он никогда не был, верно? Увы, увы, увы.

¹ «Мы уповаем на науку!» — антитеза официального девиза США «In God We Trust» — «На Бога уповаем!», выбитого на монетах и напечатанного на банкнотах Соединенных Штатов.